

Олег Евгеньевич
Кодола

**Фёдор
Колычев —
ДИТЯ
ЭПОХИ**

Олег Кодола

Фёдор Колычев – дитя эпохи

«Издательские решения»

Кодола О. Е.

Фёдор Колычев – дитя эпохи / О. Е. Кодола — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851471-5

Персона Филиппа Колычева, игумена Соловецкого и митрополита Московского, погибшего в противостоянии с Иваном Грозным, всегда интересовала исследователей как пример «духовного» подвига. Но так ли прост был боярин Колычев?

ISBN 978-5-44-851471-5

© Кодола О. Е.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Андрей Кобыла, потомок «королей прусских»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Фёдор Колычев – дитя эпохи

Олег Евгеньевич Кодола

© Олег Евгеньевич Кодола, 2018

ISBN 978-5-4485-1471-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Фигура Фёдора (Филиппа) Колычева – соловецкого игумена, митрополита Московского – не раз привлекала внимание исследователей.

Святитель Филипп Колычев

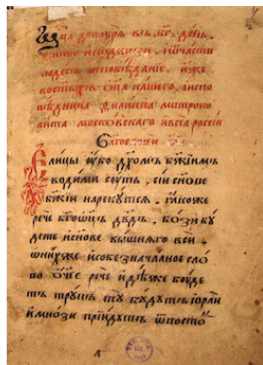
Основой интереса к личности Колычева всегда была история противостояния митрополита и царя Ивана IV Васильевича, называемого «Грозным». И хотя библиография, посвящённая митрополиту обширна, сам митрополит оставил потомкам лишь несколько документов, по которым мы можем характеризовать его персону:

В 1553 году игуменом Филиппом был составлен устав «Устав о монастырском платье» («...по сколько кто из братии должен иметь в келий одежды и обуви...»).

В 1567 году – богомольная грамота в Кирилло-Белозерский монастырь, в которой митрополит просил молиться за благополучный исход похода Ивана IV в Ливонию.

Четыре грамоты в Соловецкий монастырь. Три из них относятся к августу 1566 года, а последняя датирована 30 января 1568 года.

Есть упоминания митрополита Филиппа и в «побочных» документах эпохи – это письма князя Андрея Курбского, записки опричника Штадена, сообщения лифляндцев Таубе и Крузе. В основном же исследователи жизни Колычева обращались к двум редакциям «Жития митрополита Филиппа», где сообщаются основные сведения о нём.

Житие митрополита Филиппа

Но и «Жития...» не являются достоверным описанием событий. К сожалению, этот текст «...давно ставил исследователей в тупик своей путаностью и обилием ошибок...». Доктор исторических наук Руслан Григорьевич Скрынников указывает: «...Житие митрополита Филиппа» было написано... в 90-х годах XVI века в Соловецком монастыре. Авторы его не были очевидцами описываемых событий, но использовали воспоминания живых свидетелей: старца

Симеона (Семена Кобылина), бывшего пристава у Ф. Колычева и соловецких монахов, ездивших в Москву во время суда над Филиппом...».

Эти точно подмеченные факты о создании «Жития...» заставляют ещё больше усомниться в тексте, так как составлен он по воспоминаниям людей, заинтересованных в сокрытии правды: монахов, свидетельствовавших о нём на суде, а также его тюремщика Кобылина, который сам мог участвовать в его убийстве. Очевидно, что текст, составленный по воспоминаниям противников митрополита, невозможно «принять на веру», пусть даже он и принят в виде канонического «Жития...».

На недостоверность текста указывали не только светские, но и православные исследователи. Георгий Петрович Федотов (философ, публицист, историк культуры, основоположник богословия культуры), обращал внимание на то, что рукопись «...драгоценна для нас, не как точная запись слов святителя, но как идеальный диалог... так как она не носит характера подлинности...». Поэтому, к сожалению, почти всё, что написано уважаемыми исследователями о Филиппе Колычеве, носит характер умозрительных заключений.

В этой книге представлена попытка создать не столько описание личности и поступков Филиппа, сколько описать «личность в среде», потому что без понимания происшедшего «в то время», объяснение поступков тех или иных исторических деятелей всегда будет неполным.

При написании этой книги были использованы работы М. Л. Боде-Колычева, А. П. Богданова, В. И. Буганова, А. А. Зимина, Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова, А. Г. Кузьмина, И. А. Лобаковой, И. де Мадериага, Р. Г. Скрынникова, Ф. М. Уманца, Г. П. Федотова, И. Я. Фроянова.

Стоит заметить, что в основном это работы, посвящённые деятельности царя Ивана IV Васильевича и, крайне редко, – лично Филиппу Колычеву. При этом я не указываю источники материалов – все цитаты в тексте отделены кавычками и каждый пытливым читатель может легко найти источник с помощью любого поисковика в сети Интернет, а список литературы находится в конце книги.

Андрей Кобыла, потомок «королей прусских»

Род Колычевых, к которому принадлежал один из интереснейших исторических деятелей трагичного XVI века – митрополит Филипп Колычев, вёл своё начало от боярина Андрея Кобылы. В летописях известно единственное упоминание Андрея: в 1347 году великий князь Семён Гордый (Семён – так писалось его имя на княжеской печати. Позднейшее «Симеон» образовано по правилам церковно-славянского языка) посылал своих бояр Андрея Кобылу и Алексея Хвоста Басоволкова в Тверь за невестой.

Печать Семёна Гордого

Этой строчкой исчерпывается объективная информация об Андрее Кобыле, но её хватает, чтобы предположить, что:

в 1347 году Кобыла и Хвост были близкими боярами и доверенными лицами Великого князя Симеона Гордого;

Андрей Кобыла служит при дворе Симеона Гордого давно, возможно – со времён Ивана Калиты или ранее.

Учитывая, что отец Симеона Гордого – Иван Калита – незадолго до этого разорил город Тверь и добился казни тверских князей, поездка Кобылы и Хвоста была не столько сватовством, сколько дипломатической миссией. Женидьба Симеона Гордого на Марии Тверской – классический пример политического брака как средства укрепления границ и восстановления лояльности «обиженного» Тверского княжества.

Результат известен: Симеон женился в третий раз, дружил с Тверью, воевал с Новгородом и Литвой, а умер от чумы. Алексей Хвост дослужился до московского тысяцкого, попал в опалу, и его потомки сгинули безвестными нижегородскими помещиками в XIX веке. Боярин Андрей Кобыла удачно продолжил службу при дворе московских князей и стал родоначальником множества родов русских государственных деятелей и одной царской фамилии: от него ведут свой род Лодыгины, Колычевы, Коновницыны, Кокоревы, Неплюевы, Боборыкины, Образцовы, Сухово-Кобылины, Кошкины, Захарьевы, Юрьевы, Романовы, Шереметевы, Епанчины, Яковлевы, Ляцкие...

Итак, перед нами предок огромной части русского дворянства, включая фамилию Романовых, правивших страной три века. Но почему тогда Андрей Кобыла появляется впервые лишь в 1347 году? И почему его первое появление в истории Руси – дипломатическое? Когда он стал боярином и чем занимался до 1347 года?

В 1722 году один из потомков Андрея Кобылы, Степан Алексеевич Колычев, стольник и первый герольдмейстер Российской империи, составил записку «...о выезде Андрея Ивановича Кобылы в Россию из немец».

Степан Алексеевич Колычев

Степан Андреевич не был прожженным германофилом. Просто в его эпоху термин «из немец» скорее имел географический смысл, нежели этнический. Колычев утверждал, что Кобыла – потомок «короля прусского» Гланды Кабилы, который после ожесточённой войны с «крыжаками» (рыцарями) вынужден был покинуть родовые земли на южном берегу Балтийского моря и пойти служить к Александру Невскому. Поэтому и родовые гербы всех потомков Кобылы (кроме Романовых) «...употребляли герб города Данцига [Гданьск]...», как писал последний князь Михаил Бодэ-Колычев.

Герб Колычевых

Следовательно, Колычевы выводили свои родословные с Гданьска – города, где славянские князья правили до 1282 года, пока последний славянский князь Мстивой II не передал свои земли князю Великопольскому Пшемислу II.

Составление генеалогий в XVIII веке было в моде: все монаршие дома Европы упорно измеряли глубину своих корней и находили их там, где было нужно. Похожими исследованиями занимались и герцоги Мекленбургские, давшие русскому престолу двух императриц. Согласно германским родословным, составленным множеством немецких учёных и нотариусов, герцоги Мекленбургские вели свой род из династии вендо-ободритских королей, а столицей ободритов был город Рёрик (сейчас находится на том же месте, неподалёку от Ростка).

После смерти короля ободритов Витислава II, осталось три сына: Траскон, Годлейв и Славомир. Все они погибли в битвах с данами и франками. Сыновья Годлейва – Рюрик, Сивар

и Трувар остались без трона и были призваны править Русью, что выглядит вполне логично: таким образом, новгородские словене призывали к себе единокровного князя-славянина, и был он варягом, потому что жил на берегу Варяжского моря.

Славянские племена вендов, ободритов, венетов, кашубов занимали большие территории по берегу Балтийского (Варяжского) моря – от современного Ростока до нынешнего Гданьска. Прикрывая западный край славянской ойкумены, ободриты и венды не только постоянно воевали с саксами, данами и франками, но и сами активно занимались морским разбоем. Потому и боялись славян местные пруссы и сембы. Подзабытая, но здравая гипотеза о славянском происхождении «призванных варягов».

И хотя появление в 1722 году не известной ранее родословной кажется сомнительным, есть и другие подтверждения этой версии. Противник Ивана Грозного – князь Андрей Курбский писал: «...потом погублен род Колычевых... Бе бо прародитель их муж светлый и и знаменитый от Немецкой земли выехал...». То есть – Курбский уже в XVI веке знал то, что XVIII веке обнаружил Андрей Степанович Колычев. Дополним, что многие исследователи (П. Н. Петров, Н. П. Павлов-Сильванский, С. Б. Веселовский, А. А. Зимин) согласны с версией «пруско-новгородского» происхождения Андрея Кобылы. Также есть упоминания, что Кобыла жил на «улице Прусской Людиного конца» в Новгороде. На этой улице в Новгороде проживали выходцы из «Пруссии», балты и новгородские купцы, ведущие торговлю с Ганзейским союзом. То есть, финансовая элита древнего Новгорода.

Подведём итог. Андрей Кобыла, «сын прусского короля», воин, воевал с рыцарями, жил в Гданьске, был одним из его «владельцев». Гданьск (как и Новгород) – член Ганзейского союза, богатейший город Балтики, центр «янтарного пути», стал «не-славянским» в 1283 году. Где-то в конце XIII века Андрей Кобыла переселился в Новгород. Следовательно, Андрей был богат, вёл торговлю на Балтике, знал воинскую службу, наверняка обладал своим «двором» и небольшой дружиной. Этих обстоятельств достаточно для того, чтобы попасть в круг «ближних» бояр великого князя Семёна – потомка Рюрика, славянского князя, также пришедшего «из Немцев». Андрей Кобыла был удачлив: свои богатства и воинский талант он поставил на службу Великим князьям Московским и не прогадал.

Его сыновья Фёдор Кошка (сын) Кобылин (родоначальник ветви Кошка – Захарыны – Романовы) и Андрей Ёлка (сын) Кобылин (родоначальник ветви Колычевых) становятся видными деятелями при дворе Великих князей. И Александр Ёлка, и Фёдор Кошка были в числе бояр, подписавших вторую духовную грамоту Дмитрия Донского. Федор Кошка в 1380 году, во время Куликовской битвы, возможно, был назначен «комендантом Москвы», что показывает высокую степень доверия к роду Кобылиных.

Евангелие Фёдора Кошки

Время Дмитрия Донского недаром называют «золотым веком» Боярской думы. Великий князь, давая наставления своим детям, писал: «...Бояр своих любите, честь им достойную воз-

давайте против служений их, без воли их ничто не творите, приветливы будьте ко всем слугам своим». А самим боярам говорил: «Вы звались у меня не боярами, а князьями земли моей».

В это время боярские рода, составляющие боярскую думу, фактически являлись главным правящим классом. Все члены аристократических боярских родов проходили службу при дворе сначала на «младших» должностях конюшими, стольниками, чашниками (по гражданской линии, своего рода «завхозами» княжеского хозяйства) и окольными (по военной линии, командующие полками, члены дипломатических миссий). Выдвинувшиеся по службе бояре были наместниками князей в городах, судьями, тысяцкими, воеводами, послами, дипломатами.

По сути, боярская Дума была собранием самых влиятельных родичей аристократических фамилий. В XIV – XV веках слово «родич», обозначающее «родство по крови», значило много, как и родство «по браку». Родственные связи отслеживались всегда, применялись из века в век и значили очень много. Кто сегодня помнит такие родственные обозначения как стрый, вуй, дщерник? Чем отличался братыч от братанича? Для нас сегодня это пустые звуки, а для того времени родственные связи (кровные и брачные) являлись залогом стабильности, прочности и незыблемости мира, определяя положение каждого (даже самого дальнего родственника) в иерархии рода.

Естественно, чем больше родичей входило в Боярскую думу, тем сильнее род мог влиять на государственные и политические решения Великого князя. Духовную грамоту Дмитрия Донского подписывали 10 бояр. Они-то, видимо, и составляли Боярскую думу при Великом князе. «...А туто были бояре наши: Дмитрий Михайлович [Боброк, выходец с Волыни], Тимофей Васильевич [Вельяминов], Иван Родивонович [Квашня], Семён Васильевич [Волуй Окатьевич?], Иван Фёдорович [Воронцов, племянник Вельяминова), Олександр Андреевич [Ёлка – Кобылин], Фёдор Андреевич [Кошка – Кобылин], Фёдор Андреевич [Свибло], Иван Фёдорович [Кошка – Кобылин], Иван Андреевич [Хромой, брат Фёдора Свибло]...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.